

Борис ЛУКИН

с. Архангельское, Московская область

«СООБРАЗУЯСЬ С ВЕКОМ СИМ...»

О творческом пути Дмитрия Мизгулина

*«Есть такая страна – Бог,
Россия граничит с ней», –
так сказал Рильке...»*

М. Цветаева

О творчестве поэта чаще всего принято говорить в отрыве от его жизненного пути. Есть в этом некоторая условность, искусственность, специальность.

Какое творчество без особенностей личного становления? Я не о тех обыденностях, которыми сегодня заполнены глянецовые журналы, а о духовной составляющей жизни.

Раздумывать над творчеством Дмитрия Мизгулина я начал после встречи в Югре спустя десятилетие по окончании Литературного института в 1993-м, поворотном для России, году.

Оставлю другим возможность разбираться с разноплановостью в обширной любовной и гражданской лирике поэта, его историческо-философскими взглядами и общественной деятельностью, влиянием жизненных коллизий на появление той или иной темы в стихах, прозе, очерках или эссе. Мизгулин предоставляет для этого богатейший материал не только в интервью, но и активно участвуя в общероссийской литературной жизни.

Имея перед собой почти все его книги, в том числе «Избранные сочинения» («Художественная литература», 2006), я попытаюсь, в большей мере для себя, понять вектор его развития как поэта (извините за научность определения).

Сомневаюсь, что, рассматривая творчество Дмитрия Мизгулина только по его 2-3 последним книгам, например «Новое небо» (М., 2008) и «Утренний ангел» (М., 2009)... моё впечатление оказалось бы столь цельным (даже учитывая, что автор частично перепечатывает старые стихи, правда, без указания дат написания). Только при чтении «Избранного» остаётся чувство пути поэта, которому в этом году исполнится пятьдесят.

Перед нами – состоявшийся поэт. За его плечами добрые три десятка творческих лет – не первые, конечно, но уже включённые в «Избранное» стихи, датированы 1979 годом.

Городской человек, выросший в последние годы советской власти, Мизгулин так и не смог преодолеть в творчестве урбанистические мотивы (не знаю, стремился ли он к этому, но год от года его пейзажная лирика занимает всё больший объём в книгах). Спросят меня – зачем их преодолевать? Совсем недавно такой вопрос задали мне на телевидении. На мой взгляд, развитие урбанистической ветви российской литературы зашло в тупик, особенно с момента расцвета постмодернизма и фэнтези. Более 500 лет городская жизнь душила литературу Европы, лишая её естественного для любого творческого процесса контакта с жизнью, отличной от самохотейной человеческой, отрывая от естественного окружения, созданного не человеком; почти 100 лет мегаполисы губят и русскую культуру. Круг тем, событий в городе настолько ограничен, что подходит толь-

ко для писателей-детективщиков, авторов мильных опер или путеводителей, мало обращающих внимание на значение «дуба» в романе «Война и мир», а интересующихся интерьером кафе, спален, фитнес-клубов, особняков, накрученностью тачек... далее по списку рекламодателей.

Кроме того, не подлежит сомнению, что поэт – одиночка по самой природе своего творчества, а стало быть, и образа жизни. Город – вредная для него среда, трагически окрашивающая смерть многих талантов, в этом списке: Пушкин, Рубцов, Блок, Есенин, Маяковский, Цветаева, Аркадий Кутилов, Николай Дмитриев, Борис Рыжий, Денис Новиков и множество наших современников (читайте антологию современной литературы России «Наше время»). Время в городе действует на писателя угнетающе; и лишь за его границами оно форматируется в вечность, позволяя поэту беззаветно отдаться своему служению, почти забывая про диктат политического заказа, насилие публики, издателей и редакторов, удавку нищеты и т.д.

Развитие русской поэзии доказало: поэт – всегда явление природы, явление над-человеческое, сверхчеловеческое, хотя он и плоть от плоти людской.

Город поэта Мизгулина, а это один из красивейших городов мира – Питер, уже в ранних стихах отмечен отсутствием «неба и звёзд» вовсе не по погоде. При такой «видимости» ни о каком лицеизрении Рождественской звезды и речи быть не может. (Кстати, не потому ли в Евангелии речь идёт о волхвах и пастухах, следующих за звездой?) Звезду невозможно увидеть – она заслонена человеческим «я».

Советские годы не сбили Мизгулина с жизненного пути, хотя его человеческое бытование протекает уже не только в Санкт-Петербурге, но и в Ханты-Мансийске, Москве и многих других городах мира.

Мизгулин не говорит прямо, что в городе Бога не видно (это у Лермонтова мы читаем «И в небесах я вижу Бога» в стихотворении 1837 года «Когда волнуется желтеющая нива...»), но почти сразу начинает понимать, из-за чего не «видно». Он всеми силами пытается стереть (пусть простят мне вольность обращения) «случайные черты» (А.Блок) «чёрной воды» жизни, подсвеченной не оном, словно свечением глаз нечистого. Вот как это в стихах:

*Вода в Неве – чернее сажи,
А небо синее – без звёзд,
Неона свет – бледнее слёз,
Пролитых кем-то над пропажей.*

«Пропажа» в стихах тех лет – одна из главных доминант.

Он всё время помнит, что его народ «Горя хватил через край... / И во тьме непроглядной пропал». Поиск спасительной «пропажи» начинается с обретения «слуха» самим поэтом, с возвращения себе мира, созданного не человеком: «Слышишь этот шорох тихий?» Думаю, поэт знает, что в Библии Господь часто являлся праведникам в виде ветерка или тишины. Тем же содержанием наполнены и строки Пастернака: «Тишина, ты лучшее / Из всего, что слышал».

Следом приходит осознание величия жизни: «Жизнь, не мною начатая где-то, Продолжает свой прекрасный бег». Это завуалированное указание «не мною начатая» – в дальнейшем будет названо – начатая Богом.

Позже он напишет, спасая, защищая своими стихами прошлое:

*...Не всякий знал и в те года
К Любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.*

Неосознаваемая для многих в те последние советские годы близость к Творцу ощущалась в нашем поколении до дрожи, до слезы, как первая влюблённость, ищущая слова для выражения, высказанности.

Вторая половина восьмидесятых очень чётко обозначила начало воцерковления творческих людей. В стенах Литературного института, где многие из нас учились, начала выделяться группа писателей, не просто посещающих службы и постящихся, но определённо намеревающихся посвятить свою жизнь Церкви. Стали священниками поэты Константин Кравцов, Сергей Круглов, Фёдор Васильев и многие другие. Отсюда берёт свой исток моя многолетняя работа на Псковщине над книгой о Крыпецком монастыре и поэма «Чернец», посвящённая не только святому Савве Крыпецкому, но и моему поколению – нашим метаниям, нашим поискам себя и обретению Веры.

Мизгулин в творчестве тех лет ищет, как и мы все, эту Веру.

И она первоначально постигается ещё по-юношески, по-братски – в чувствах к ближним: наивная вера в опору, в плечо, в мир («Кому-то в сотый раз поверив, Кого-то в сотый раз простив...» «...Я постепенно приближаюсь К порогу счастья своего...»). Желание единения, взаимопонимания совсем скоро сменится у него пониманием зыбкости и тщеты проявления человеческой любви без Веры, без скрепа духовной составляющей.

Тут важно отметить, что поэт постоянно ведёт в себе и борьбу с инстинктом «наблюдателя» (столь модного в те годы в среде диссидентов), умного отщепенца с «фигой в кармане» – человека «всевидящего и всезнающего», но убедившего себя, что «и ничем тут не поможешь» миру вокруг.

Жизнь, раскрываясь перед автором во всём трагизме: «Чем круче судьбы поворот, тем пояс затягивал туже...», не озлобляла его. Об этом уже в новом веке он напишет:

*Ни разлук не боюсь. Ни измен,
Сколько раз начинал с начала!
В зыбком мареве перемен
Только вера меня и спасала.*

Первые выводы закрепляются им на всю жизнь как основополагающие. Появляются у него и герои (как в стихотворении «Внешних признаков волнения...»), которые не выдерживают внешнего ада и протестуют. Автор ищет варианты, как изменить мир, изменяя сознание окружающих. Понимание, что не только начинать надо с себя, но и – изменить можно только себя, придёт позже, и подкрепляется знанием – что не всё, данное человеку с пелёнок, он сможет использовать без проявления волевого усилия, без помощи Даровавшего. «Поэтами рождаются. Но не всегда становятся» – вывод, ставший ещё одной отправной точкой в развитии его личности и творчества. А кому как не поколению, рожденному в 60-е годы прошлого века, знать, как трудно не отречься от дарованного тебе таланта, не замызгать его в бытовых передрыгах перестроечно-кровавых лет, волной которых смыло не один десяток прежде знаменитых и, казалось, состоявшихся имён.

В тот же период начинают появляться в стихах Мизгулина слова из церковной лексики, а явления природы обретают первозданную глубину и смысл: «ветры... затянули посалмы», а не банально рычат, воют, обжигая, скулят или беснуются. Подобные открытия подкрепляются сожалением о «шуме деревьев, которые... так и не посадил...», шуме-шепоте-памяти –

*Ведь память до тех пор жива,
Покуда жив народ,
Пока народная молва
В людских сердцах живёт.*

С думой о вечности, о памяти, их природе поэт приходит не только к пониманию самоценности совершенного добра, но и такой странной для «цивилизованного человека» победы над собой в факте замеченного хорошего в другом (без зависти).

Отсюда и формирование авторского убеждения – ответственности за несделанное (несовершенное) добро. Это понимание одновременно приходит ко многим в те годы, так же пишет и Николай Дмитриев, поэт старшего поколения. Начинается и ощущение себя как малой частички, щепотки земли, как шага в неведомое будущее, которое формируется из «лесов добрых дел», посаженных или не посаженных – именно тобой.

Может быть, от этого понимания и возникает у автора потребность окунуться в прошлое своей страны – историю её духовного и культурного развития. «Там, где история Русской земли Преподавала уроки», Мизгулин пишет стихотворения: «Суворов», «В соборе св. Витта», «Памятник Петру», «Мойка, 12», «Исаакиевский собор», «Дом, где жил Тютчев» и т.д., и литературные заметки «Парадоксы Бердяева», «Политическая лирика Тютчева», «Предсказатель» о философе и литературном критике А.С. Хомякове...

*Всё вместила моя душа
Без остатка и без возврата,
Чередуются не спеша
Времена, события, даты...*

Ключевыми при формировании творческой личности Дмитрия Мизгулина без сомнения становятся идеи, обнаруженные нами в эссе того периода. Из работы о Хомякове: «...развитие художества под знаком «западного» просвещения лишает творчество истинной свободы духа (которая, заметим, впоследствии была хитро подменена свободой формы)» или – «Художеству истинному, живому, свободно творящему, а не подражательному не было места...», и ещё – «Чужая стихия, «западническое» просвещение, захлестнула-таки всю нашу словесность, превратив её, как и предполагал Достоевский, в прессу».

Продолжая мысль Тютчева, Мизгулин делает немаловажный вывод: «Опора России – в православии, той ветви христианства, суть которой наполнена духовно-исторической преемственностью с многовековой культурой, с одной стороны, и с обрядами язычества, тесно связанными с воззрениями славян на природу, с другой».

Столь вдумчивое общение с мыслителями прошлого помогают поэту понять, что даже в наш реалистический век кому «служат демоны», того «крах неизбежен». Закономерно появление в стихах не вопросительной интонации, а скорее утвердительной: «В час, когда дремлет душа, / Возможно ль высокое чувство?»

Может, именно для ответа на этот вопрос поэт посетил не только множество русских монастырей, но

и Афон, о котором написал книгу очерков. Есть там поучительный рассказ о монахе Ниле, наказанном Богородицей слепотой за то, что «беспечно и бесстыдно коптил образ» Её, и прощённого только после многодневной усердной молитвы перед иконой, называемой с тех пор «Скоропослушница».

«Сообразуясь с веком сим», не подстраиваясь, а обретя «охранную грамоту» Веры, поэт находит свою неторную тропу в литературу и к современнику, сострадая, сопереживая, стремясь помочь и подсказать направление основных усилий.

Душа, Вера, Бог... – очень часто мы чувствуем это триединство в печали, в болезни, так и поэт (стихотворение «В больнице»):

*И вот очерчены уже
Все устремленья и желанья,
И смысл загадочный в душе
Уже на грани пониманья.*

*И осязаема тщета
Своим незримым постоянством,
И различимее черта
Меж бранным миром и пространством.*

Почувствовав, осознав безмерность Пространства по имени Бог, понимается и необходимость, предначертанность присутствия в «бранном мире» Поэта:

*И, может быть, необходимо,
Чтоб кто-то, про всё позабыв,
Наигрывал неуловимый,
Ещё не окрепший мотив,*

*Чтоб тайная музыка зрела,
Отринув мятущийся страх...*

Становится яснее ясного, что перечить судьбе (Богу) – думая о возможности искусственного пути (без Бога) для поэта, только от себя-любия, только от внешнего, от «тусклой луны» людей, которых «видит, как деревья» без «загадочного смысла», сохранённого, возможно, лишь «немыми письменами» на «тускнеющих плитах».

И ещё читаем:

*...Тихо музыка в стылой душе
Прозвучит, как в покинутом зале...
Остальное – не всё ли равно?
Остальное не вижу, не слышу...
Опускаюсь на самое дно,
Поднимаюсь всё выше и выше...*

Используя различные образы и метафоры, Мизгулин постоянно напоминает нам о главном: «...В ожидании расплаты / Суметь бы душу уберечь».

Как колокольный звон к заутрени, Мизгулин призывает вспомнить писателей о своей роли в мире, при этом не забывая, откуда дар:

*Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил...*

*Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста...*

(Тут следует сказать о ещё одной поэтической перекличке с Борисом Пастернаком. Вспомните: «Не спи, не спи, художник, / Не предавайся сну. / Ты – вечности заложник / У времени в плену...», переосмысление строк Пастернака показывает, насколько влияние «плена времени» – т.е. бытовой реальности – на Мизгулина как поэта сведено почти на нет.)

В слиянии двух смыслов – высшего предназначения Поэта и божественного происхождения души – на первый план выдвинута задача сохранения не-собственно таланта, а бессмертной души – подкрепляющей, научающей слышать и говорить Слова.

Сохранять душу в любых жизненных ситуациях – даже под угрозой смерти.

*В потоке мутном бытия,
Во мгле полуденной морочи
Не унывай, душа моя,
Покуда не настали сроки.*

*Во всём, Господь, рука Твоя.
Напрасно не ищи забвенья.
Не унывай, душа моя,
В путях спасенья.*

*Лети, сомнений не тая,
Уняв напрасную тревогу,
Не забывай, душа моя,
Молиться Богу.*

Этот духовный, творческий подъём вы сможете ощутить при чтении и других стихотворений Дмитрия Мизгулина – давно уже узнаваемых не только мной, но и тысячами русскоязычных читателей российских и зарубежных журналов и альманахов.

Перечитайте: «Страдай, страдай, душа моя...», «На Родине – как на вокзале...», «Не дай-то Бог, случится...», «Надежда умерла, а мы живём...»,

«Какая осень! После бани...», «Нам всем конец? Не верю!..», «С зимой, похоже, всё в порядке...», «Погаснут светила в полуночный час...», «В разногласии племён...», «Заветное счастье украли...», «Вагончики. Сарайчики. Балки...», «Похоже, слишком много знаю...», «Боже, как мы все устали...», «Вострубят ангелы – пора...».

Перечисление, надеюсь, правильно понято читателем, которому будет легче – сразу раскрыть книгу на нужной странице, а потом – полюбив автора, читать всё от первой до последней строчки, заучивая, абсолютно непреднамеренно (я в этом уверен), хотя бы ещё вот эти строки:

*...Я забуду времена и даты,
Я читаю старые стихи...
И летят куда-то мимо, мимо
Попусту потраченные дни,
И горят во тьме неугасимо
Вечные вечерние огни,
И лазурь такая с неба льётся,
Что застыну, грешный, не дыша,
И внезапно чутко встрепенётся
До сих пор дремавшая душа...*

Очень незаметно мы подошли к главному – к роли поэзии в жизни человека и всей цивилизации. Этакие глобальные вопросы философского порядка вроде бы и не стоят на повестке дня, заслонённые глобализацией в государственной и экономической сферах. Но постоянное напоминание писателям, что сегодня не время для стихов, что современный читатель не готов к высоким переживаниям и поднебесным чувствованиям, отвлекающим от шопинга, говорит, на мой взгляд, о необходи-

мости чуть ли не врачебно-поэтической терапии, начиная с младенческого возраста. Неприятие – не от непонимания поэзии, а от боязни пробуждения души: с душой-то, как и совестью, на многое смотрим иначе. А это – не только радость нового и полноценного восприятия бытия, но и естественная боль, как при родах или потери близких, – большинство в последние десятилетия считают непозволительным. И чувствуется здесь некая политическая забота о ближнем, похлеще партийного контроля, – отрицая поэзию и вообще литературу (не беллетристику, конечно), продолжается борьба с остатками советскости в русском народе. Всё, что любили советские люди, не должны любить строители новой капиталистической России. Логика, между прочим, железная, гарантирующая безопасное существование нового строя...

От многого уберегли бы мы себя, сберегая душу от забвения, пробуждая к полноценной жизни, не давая быту и суете загнать её в чёрный угол, из которого она всё равно вырвется на свободу – вырвется, как цунами или землетрясение, но в смертный час. Куда как лучше, если бы она естественным образом, словно морской прилив, наполняла человека, не давая ему погибнуть ни в этом веке, ни в том.

Дмитрий Мизгулин – человек православный, силами поэтического Слова докликивается до людей, понимая: Поэт – спасатель человечества на Земле, и эту ответственность на него возложил Господь навсегда.

□

Борис Иванович ЛУКИН

родился в 1964 году в г. Горьком (Нижний Новгород).

Окончил Литературный институт им. Горького.

Известный поэт, критик.

Автор книг: «Понятие о прямом пути», «Междуречье»,

«Долгота времени», «Поединок».

Публиковался в «Литературной газете», альманахе «День Поэзии»,

журналах «Дальний Восток», «Дон», «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Москва», «Подъём», «Север», «Юность»

и других, в том числе за рубежом.

Стихи переведены на многие языки мира.

Последние годы работал в газетах «Российский писатель»

и «Литературной газете» (редактор отдела «Литература»).

Автор проекта и составитель антологии современной литературы России «Наше время».

Член СП России.

Живёт в Подмоскowie.

